

ДВОЕ ИЗ ТЫСЯЧ

Это было глубоко под землей, где люди впервые открыли доступ пылкой струе воздуха. В шахте № 12 Метрострой, кроме крепильного леса, не было никаких других лесов. Откуда, казалось бы, взялись в шахте соловью, да еще зимой, когда там, наверху, на улицах Москвы, падали пушистые снежинки, а люди, одетые в меха, ежились от мороза.

Но комсомолцы шахты № 12 в этот морозный, зимний день, да еще под землей, ясно услышали соловьиные трели.

— Откуда это? Слушайте, слушайте!

Трели соловья становились все залихватее. Вот соловей зацелкал и притих. Из-за уступа показалась вагонетка с породой. Ее подталкивал небольшого роста улыбающийся паренек.

— Это у тебя?—спросили его комсомолцы.

— Что у меня?—лукаво поблескивая белым рядом зубов, переспросил паренек.

— У тебя соловей?

— У меня,—открыл юноша и показал себе в рот.—Хотите, сейчас запоет?

Юноша зацелкал по-соловьиному.

Комсомолцы стояли очарованные.

— Да у тебя, Бутров, талант. То-ля, еще!

Бутров не ожидал, что его «озорство» произведет такое впечатление. Он толкнул вагонетку и смущенный поклатил ее дальше.

Наступила весна. Комсомолцы Метростроя уезжали в выходные за город. Анатолий Бутров ложился в траву и, пригавкивая, подслушивал пенье птиц. Как хорошо поют! Маленькие птички, а такой талант! А люди,—ведь они умеют делать все, что угодно. Они не только на земле, но и над землей строят дворцы. Они умеют изучать сложнейшую технику. Неужели этому простому делу—пению птиц—нельзя научиться? И Анатолий Бутров, чуть-чуть прислушиваясь к разноголосому пению птиц, начинал дразнить пернатых соловьев. «Птичье искусство» все больше увлекало его. Под соловьиные трели в шутках и уступах становилось словно светлее и шире, работалось веселее.

Когда Анатолию предложили выступить на олимпиаде художественной самодеятельности, он сомневался: искусство это или неискусство—спеть по-птичьи? Немного волнуясь, он вышел на сцену. Но, увидя перед собой знакомые лица, повеселел и почувствовал себя свободным, словно в шахте или в лесу. Он исполнил, как думал, очень несложный номер. Но почему такой восторг в зале? Почему ему так неистово аплодируют?

В антракте Бутрова окружили и друзья и малознакомые люди,

Красильщица фабрики им. Свердлова Елена КОЧЕТ (пение) и слесарь шахты № 61-64 Метрострой Анатолий БУТРОВ (художественный свист).

— Ты же—талант... Слушай, Толька, замечательно!—говорили ему товарищи.

Без скидок, ребята,—отмахиваясь он от похвалы. Но друзья по комсомолу и шахте, скупые на похвалу, уверяли, что у него действительно талант, и надо учиться «свистеть по нотам». Толька стал заниматься с пианисткой, начал изучать нотную грамоту. В первой программе театра народного творчества его выступление было одним из блестящих. Это свое выступление Бутров повторил 5-го и 6-го апреля в Туле. Каждый из зрителей хорошо запомнил соловьиные трели этого певысского, улыбающегося юноши, который искусно имитировал пенье соловья в песенке Адама из классической оперетты Целлера «Продавец птиц».

— Какой чудесный голос! Какая нежность, лиричность! Откуда она знает венгерский язык?—интересовались туляки, слушая венгерские песенки красильщицы текстильной фабрики им. Свердлова Елены Кочет.

У Елены Кочет не такая лирическая судьба, как ее голос. Она родилась в Будапеште, в Венгрии, в семье коммуниста. После подавления венгерской революции ее отца бросили в тюрьму. Девочку отправили в приют. Но в приютах Будапешта слыш-

ком много детей, у которых отцы томились в тюрьмах. Поэтому 6-летнюю Елену отдают в иппики в деревню. У девочки слишком худы руки, чтобы таскать здорового кулацкого бутуз, и вскоре ей говорят:

— Ты нам больше не пужна.

Девочка идет по деревне искать работы. Опять над нею смеются, другие сочувственно качают головами и обьяняют:

— У самих таких полная хата.

Наконец, девочку пристраивают на работу. Она босая, в рваном платьице бегает за стадом, она терпеливо переносит непогоду, голод и летний зной. Поздним вечером, присев на корточки, она слушает, как поют крестьянки, и думает об отце: жив ли он, встретится ли она с ним? Шесть лет ведь прошло, как он в тюрьме.

И вот, 10 лет назад к ней пришел отец. Он только-что из тюрьмы. У него пожелевшее от отсутствия солнечного света и от тюремного режима лицо. Но глаза светятся доброй улыбкой.

— Подем, дочка, на родину!—предлагает он.

— Куда? В Будапешт?—мрачится девочка.—Не хочу. Тебя опять арестуют. Тебя опять посадят в тюрьму,—почти плачет она.

Но отец улыбается.

— Нет, на родину, в которой нам будет хорошо. Там я буду работать, а ты учиться. В Советский Союз, дочурка, подем.

Так Елена Кочет очутилась на своей родине, где ее, не знающую русского языка, встретили тепло и приветливо, как в родной семье. Здесь, в школе ФЗУ, ей дали специальность, а в клубе политмигрантов заметили ее голос. Девушке, которая из жизни отца и в пионерском отряде узнала политграмоту, хочется рассказать о венгерских рабочих и крестьянах языком искусства, языком их песен. И девушка выступает в клубах, на олимпиадах, потом в Театре народного творчества. В ее венгерских песенках звучит бодрая тема венгерского рабочего «наплевать нам на господ» и бытовые мотивы венгерских крестьян.

Кочет с преподавателями совершенствует сейчас свое вокальное искусство, чтоб еще полновочуднее рассказать советским рабочим и колхозникам о том, что есть страна, где искусство стало достоянием широких масс, где жить радостно и весело, где сама жизнь—прейшее из всех искусств.

Анатолий Бутров и Елена Кочет—двое из тысячи талантов, рожденных радостью труда, рожденных яркой, полновочудной жизнью, бурлящей в нашей социалистической стране.

В. БЕЛЯКОВА.